

Алёна Шахнина

Любовь

с запахом

детства

Алёна Шахнина

Любовь с запахом детства

<https://litres.ru/74207497>

Аннотация

Она — городская бунтарка в белом халате. Приехала за тишиной, а нашла войну.

Он — её лучший друг, хулиган и вечный Туча. Думала, что знает его как облупленного. Ошиблась.

Между ними: краденые яблоки, ночные костры, ревность до скрежета зубов и один танец, после которого они оба поняли: дружба кончилась.

На горизонте: бывший, который хочет всё вернуть. И пожары, которые хотят всё отнять.

Итог: когда дым рассеется, станет ясно — кто сгорел, а кто наконец решился на первый шаг.

Содержание

Глава № 1 Соня	4
Глава № 2 Денис	11
Глава № 3 Соня	16
Глава № 4 Денис	22
Глава № 5 Соня	27
Глава № 6 Денис	35
Глава № 7 Соня	42
Глава № 8 Денис	50
Глава № 9 Соня	56
Глава № 10 Денис	61
Глава № 11 Соня	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава № 1 Соня

Отец останавливает машину у старого, покосившегося забора и глушит двигатель. Я делаю глубокий вздох, окидывая улицу через лобовое стекло, нажимаю на кнопку замка ремня безопасности, и лента с жужжанием втягивается в приемник. Папа уже открывает багажник и достает мои сумки с вещами, а я еще мешкаю. Так хотела сюда приехать, но решительность почему-то улетучилась, растворилась где-то по дороге на границе между городом и этой маленькой деревушкой. Но отказываться было поздно — я уже здесь, а мои сумки в руках отца несутся в дом.

Выхожу из машины, и в нос сразу ударяет тот самый запах: смесь бани, древесины, навоза и тепла. Снова делаю глубокий вдох, позволяя аромату деревни заполнить мои легкие, вызвать ностальгию и перестать думать о том, что я буду жалеть. В конце концов, всего лишь два с половиной месяца. Возможно, меньше: не думаю, что родители будут насильно меня держать здесь, или моя добрая бабушка прикует наручники к батарее.

Достаю телефон и отправляю в группу короткое сообщение: «Я на месте». Тут же появляется сердечко от Жужи, потом палец вверх от Тучи. Руся молчит — видимо, занят или связь не ловит: в такой глуши возможно все.

Я все еще осматриваю улицу, отмечая, что за год здесь ни-

чего не изменилось. Те же уставшие, покосившиеся домики; гуляющие без хозяев собаки; мычание коров. Дорога сильно разрушена, и отцу повезло, что дождь прошел три дня назад, и земля успела подсохнуть — иначе пришлось бы отмывать машину.

Не тороплюсь заходить в дом — кажется, что зайду к бабушке, а попаду прямиком в детство. И не захочу возвращаться назад. Не скажу, что сейчас у меня плохая или скучная жизнь. Живу в городе, учусь в медицинском университете, есть увлечения. Но раньше было проще — единственной проблемой были попытки ускользнуть ночью из дома и вернуться до рассвета, чтобы не заметили родители. Теперь все намного сложнее: сложная сессия, молчание в группе после той ссоры. Детские побегушки кажутся чем-то абсолютно несерьезным. Но я здесь. А это значит, что на следующие два месяца я снова девчонка, сбегаящая из дома, чтобы посидеть с друзьями на нашей полянке.

— Соф, долго там стоять будешь? — раздается голос отца из окна и заставляет меня вынырнуть из мыслей.

— Иду, пап, — киваю я и двигаюсь к старому деревянному забору.

Калитка со временем покосилась, и с трудом держится на петлях. Даже удивительно, что отец до сих пор не починил ее — с его-то руками он управился бы за пару минут. Калитка открывается с протяжным скрипом и заваливается назад. Придерживая ее рукой, толкаю назад, зажимаю у ворот

и поднимаю задвижку.

Вот он — двор моего детства. Большой, заросший колючей травой, он еще хранит память обо мне. Под высокой сиренью лежит красный мяч — уже сдулся и местами покрылся плесенью, но бабушка почему-то не убирает его. Видимо, он здесь для украшения двора: яркое пятно на серой земле. Подхожу ближе и понимаю, что теперь это не мяч, а клумба с цветком. Улыбаюсь — бабушка нашла применение старой игрушке, то ли как ностальгию о моей жизни здесь, то ли потому что жалко выбросить.

Поднимаюсь по скрипящим ступеням и открываю большую деревянную дверь. Она разбухла от влаги и времени, и двигается с трудом, цепляя деревяшку на крыльце. На ней уже нацарапан полукруг от частого открывания двери.

Захожу в дом, и сразу ощущаю запах, который всегда будет ассоциироваться с бабушкой. Аромат печеных пирожков приходит первым — бабуля всегда встречает нас выпечкой, и готовит ее так много, что за один визит к ней у меня вырастают щеки. Потом ощущаю запах дерева, который тянется от поленницы, стоящей в углу. Последним приходит запах больницы и старости, и от этого становится грустно.

— Сонечка, милая моя! — раздается голос бабушки из кухни.

Я скидываю обувь и прохожу в комнату, где от запаха пирожков трудно сдерживать слюну во рту. Отец уже во всю жует выпечку и прихлебывает чай из большой, нет, огром-

ной кружки — его личной.

— Привет, ба, — говорю я и обнимаю бабушку.

Понимаю, что либо я выросла, либо бабушка стала меньше, но если раньше мы были с ней одного роста, то теперь я на пол головы выше.

— Как ты? — спрашиваю я и подхожу к умывальнику вымыть руки.

— Нормально, что со мной будет, — говорит бабушка и хлопочет на кухне. — Садись, милая, чай пока горячий.

Я плюхаюсь на старый деревянный стул, и он скрипит подо мной. Расшатанные ножки раскачивают сидушку, и я с трудом удерживаюсь от падения. Бабушка не присаживается. Она ставит на стол очередную тарелку с пирожками, достает из холодильника масло, нарезанную колбасу, варенье.

— Ба, не суетись, — говорю я. — Посиди с нами.

Бабушка поправляет цветастый халат и садится рядом со мной. Я беру ее дрожащую, сморщенную ладонь и сжимаю пальцами. Улыбаюсь. Она улыбается в ответ, и от этого в комнате становится еще светлее.

— Чем займемся? — спрашиваю я с набитым ртом.

— Не знаю. А ты чем хочешь? — отвечает бабушка.

— Шашки мои остались? Игры?

— Конечно, — кивает бабушка. — Я ничего не убирала в твоей комнате. Только пыль смахиваю.

— Друзья твои приехали? — спрашивает отец.

— Да, вроде здесь уже, — отвечаю я. — Ленка вчера при-

ехала, а пацаны сегодня должны были.

— Ой, — спохватывается бабушка. — А ведь на днях Ваня приехал тоже. Так вырос он, высокий, красивый стал. С армии вернулся только.

Бабушка продолжает нахваливать Ваню, а я ее почти не слушаю. Он здесь? Зачем он приехал? Кружка застывает на полпути ко рту, взгляд устремляется в окно.

— Сонь? — окликает меня бабушка. — Помнишь Ваню? Вы еще за ручку с ним ходили. Ой, ну такая пара из вас красивая была!

— Помню, ба, — отвечаю я, старательно сдерживая дрожь в голосе. — Детьми были, глупо это все.

Папа фыркает. Помнит, как я ругалась с ними из-за Вани, как они просили не терять голову. И как мне было плевать на их слова. Пятнадцать лет, казалось, что я и сама все знаю и понимаю. Родители только вздыхали — а что им еще оставалось? Разве в таком возрасте есть смысл что-то запрещать или говорить своему ребенку? Все равно он сделает по-своему, или назло. Именно такой я и была: непокорной, бесстрашной, бестолковой. Интересно, изменилось ли что-то за три года?

Ставлю кружку на стол, понимая, что уже пару минут сижу в ступоре. Глупо. Приехал и приехал — мне-то что? Подумаешь, год встречались, потом расстались. Первая любовь, первые отношения и поцелуи. Ничего особенного — убеждаю себя я. Потом он уехал в город, оборвав все связи.

Лишь бросил мне на прощание: «Там другая жизнь». С тех пор я его не видела и ничего не слышала о нем. Казалось, что и забыла про него.

— Ко мне люди приходили, — говорит бабушка отцу. — Дом предлагали выкупить.

— Что за люди? — напрягается отец.

— Не знаю. Сказали, интересуются нашей землей, — пожимает плечами бабушка.

— А ты что? — спрашивает отец.

— А что я, Миш? Отказалась, конечно, — вздыхает бабушка. — Я здесь выросла, здесь и умру.

— Ба... — с упреком говорю я. — Ты еще лет сто проживешь. Раньше мы тебя не отпустим.

Отец задумчиво смотрит на улыбающуюся бабушку и стучит пальцами по столу.

— Мам, если деревню начнут расселять, тебе придется уехать, — говорит он. — И вообще пора тебе перебираться к нам поближе.

— Нет! — возмущенно говорит бабушка. — Я отсюда никуда не уеду. Я задохнусь в вашем городе.

— Ладно, посмотрим, — говорит отец. — Поехал я, надо Марину с работы забрать.

Бабушка подскакивает со стула, накидывает в пакет пирожки и протягивает отцу. Он берет, коротко благодарит, целует бабушку в щеку.

— Мам, я когда за Софой приеду, почию тебе калитку.

Сейчас инструментов нет с собой, — оправдывается папа. — И дверь уже с трудом открывается. А вообще про переезд ты подумай.

— Хорошо, сынок, — кивает бабушка. — Марине привет передавай.

Отец не отвечает, жмет мое плечо и уходит. Через минуту хлопает дверь его машины, шуршат шины по камням, и папа уезжает домой. А я остаюсь в деревенской тишине. Смыслю, что все-таки буду жалеть о своем приезде.

Сначала я думала, что просто умру здесь со скуки. А теперь мысли куда страшнее и зовутся они Ваней. Как же не хочется его видеть, сталкиваться на улице и, тем более, общаться. Остается только надеяться, что о прошлом он забыл. И обо мне тоже.

Глава № 2 Денис

Боже, как же тут скучно! Второе лето я возвращаюсь в стены родного дома и понимаю, что делать здесь абсолютно нечего. Постоянная движуха в городе, дискотеки, тусовки с пацанами против абсолютной тишины деревни. Даже подгоревшие макароны в стенах общаговской кухни — настоящий праздник. Но деваться некуда — летом все разъезжаются по домам, в общаге делать абсолютно нечего. Хотя тут тоже делать нечего, но там даже ветер начинает гулять по комнатам, и становится так тихо, что глохнешь.

Беру телефон и пытаюсь смотреть видео. Но связь то появляется, то пропадает, интернет работает с огромным трудом. Пытаюсь поймать сигнал, хожу с поднятой рукой по дому и ловлю только раздражение. Громко ругаюсь матом — плевать, родителей все равно нет.

Психую и кидаю телефон на стол — бесполезно искать то, чего нет. И тут айфон издает сигнал: пришло сообщение. Ну надо же, поймал связь! Читаю, не трогая телефон — видимо, ловит только здесь. Немного радуюсь: Сонька приехала, а это значит, не все потеряно в этой дыре. Если она не стала серьезней, чем была раньше, значит, определенно будет весело. Отправляю смайлик, не рискуя брать телефон в руки. Хочу написать, что я тоже здесь, но на экране появляется надпись «Соединение». Ругаюсь.

Оставляю телефон в покое и ныряю в холодильник. Мама постаралась — приготовила еды на целую армию. Хватаю салат и жую его прям из кастрюли, загребая большой ложкой. Увидь меня сейчас матушка, дала бы по рукам. Но она не видит, а значит, я могу делать, что хочу.

Приходит еще одно сообщение о вечерней встрече. Убираю салат и пытаюсь ответить, но мое «Ок» застревает в пути, лишь внизу светится красный восклицательный знак. Черт бы побрал эту связь! Да пофиг, я из без ок приду.

Иду в комнату разобрать вещи из сумки. Ну как вещи — пару джинс, шорты и несколько футболок. Небрежно кидаю вещи в шкаф и заваливаюсь на кровать. Солнце нещадно светит в окно и попадает на лицо. Это тоже бесит. Приходится встать, задернуть штору и снова упасть на кровать. Телефон в деревне превращается в кирпич, остается играть в игры без интернета. Что же, пару часов можно скоротать.

Из дома выхожу заранее — надоело умирать от скуки. Родители еще не пришли и не привели маленькую бестию — мою младшую сестру. Вот кто точно не даст скучать — эта заноза в заднице расшевелит даже мертвого. Правда, я не видел Леську уже полгода, выросла, наверное. Судя по голосовым, которые отправляет мне, она уже начала выговаривать «р». А это прогресс в ее пятилетнем возрасте.

Улыбаюсь, вспоминая сестру. Да неужели я по ней соскучился? Сколько проблем она мне доставляла, пока я жил

здесь прошлым летом, но с ней не скучно. Хотя бы потому что она никогда не замолкает, и ты начинаешь невольно радоваться тишине.

Так и провел я прошлое лето здесь — с детскими игрушками, песнями и сладостями. Скучно было так, что кожа зудела. Из друзей никто не приезжал — лишь Русик на пару недель. Соня тоже была в деревне, но я в этот момент уезжал в город решать вопросы по учебе, и мы не увиделись даже. В этом году решили собраться нашей компанией, и если мы не сильно изменились, то каникулы спасены. В любом случае это лучше, чем умирать в стенах собственной комнаты, даже если в ней есть компьютер.

Подхожу к садику и вижу матушку с сестрой. Мелкая узнает меня издали, кричит, машет руками, вырывается от матери и мчится ко мне. Я замираю и не могу не улыбнуться. Сестра настигает меня, хватается за ноги и прижимается так сильно, что я чуть не падаю. Подхватываю Леську на руки, она обнимает меня за шею и кричит в ухо:

— Денис! Привет!

Я смеюсь и хлопаю ее по спине. Соскучился все же — глюпо отрицать.

— Денис, ты почему не написал, что приехал? — упрекает матушка.

— Да как я напишу, мам, если тут связь, как в жо... — осекаюсь. — нету связи тут.

— Мы же провели интернет в дом, — говорит мама, —

не заметил?

Качаю головой. Не подумал, что родители пойдут на такой прогрессивный шаг.

— Как дела, бестия? — говорю сестре.

Она отталкивается от меня, упирается руками в плечи и смотрит своими голубыми глазами на меня. Коричневые кудряшки торчат в разные стороны, будто она не из садика вышла, а с войны вернулась. Забавная такая.

— Мы сегодня гуляли. И Рома ударил меня лопаткой. А я его ударила палкой. И нас поругали, — бубнит сестра. — Еще мы рисовали птиц.

Понимая, что рассказ затянется часа на два, я ставлю сестру на землю.

— Потом расскажешь, — говорю ей. — Меня ждут.

— Как? — ахает матушка. — Ты же только приехал!

— Завтра поболтаем, ма, — говорю я. — Хочу с друзьями встретиться.

Мама только качает головой. Надеялась, что сын изменится, а он не меняется. И не собирается — слишком эти взрослые нудные.

— Я хочу с тобой, — заныла Леська.

— Ну нет, — протягиваю я. — Я пойду в лес, а ты знаешь, что там монстры, которые питаются маленькими девочками.

Олеся испуганно охает, мама смотрит с укором. Я смеюсь — всегда срабатывает.

— Когда у тебя будет выходной от твоей тюрьмы, мы погу-

ляем, — говорю сестре, чтобы не расстраивалась. — А сейчас беги домой, в своей комнате найдешь подарок от меня. Привез тебе в коробке таракана с общаги.

Сестренка подскакивает, даже не зная, что такое таракан, хватает маму за руку и тащит в сторону дома. Я смотрю им вслед, а потом сновадвигаюсь на нашу поляну. Туда, где я провел свое детство и юность. И было это до невыносимости классно.

Перед глазами — ночные посиделки возле костра, страшилки, испуганные глаза Ленки. Наш смех, летящий далеко за пределы поляны и леса. А потом — родительское ворчание, что опять пришел под утро; нотации, что пора бы взяться за ум и учебу; попытки что-то запретить.

Однажды у них даже получилось это сделать — они запретили мне гулять и заперли в комнате, закрыв дверь на ключ. Только зачем мне дверь, если у меня есть окно? Так и сбежал из дома, вытащил тоже наказанную Соньку и сбежали мы от родительского гнева на нашу поляну. Уже не помню, за что нас тогда заперли дома — слишком много мы чудили, и слишком часто нас ругали, чтобы запоминать.

Не думаю, что сейчас родители пойдут на такой отчаянный шаг, учитывая, что я уже почти год совершеннолетний, но я не прочь снова проверить миссию по побегу из дома. Просто потому что это весело и щекочет нервы. Вряд ли, конечно, это получится — девчонки все-таки более серьезные, наверняка и Сонька повзрослела умом. В отличие от меня.

Глава № 3 Соня

Заболталась с бабушкой, даже не заметив, как пролетело время. Выскочила из дома уже в 6. Сейчас будут ворчать, что моя пунктуальность застряла в нулевых. Иду быстро, но стараюсь не бежать, чтобы не покрыться липким потом. Вечернее солнце греет лицо, и до прохлады еще как минимум пару часов. Но на нашей полянке, утопленной в лесу, должно быть хорошо.

Подхожу к лесу и удивленно хлопаю глазами: дорожка к полянке сильно заросла травой. Неужели местная молодежь не пользуется нашим местом?

Смотрю на свои голые ноги в коротких джинсовых шортах и вздыхаю. Надо было надевать брюки, чтобы пробраться через заросли. Но возвращаться уже поздно, я и так опаздываю на пятнадцать минут. Шагаю через колючую траву, старательно обхожу ветки кустов, но они все равно царапают кожу. Репейник цепляется за шорты и майку, и к поляне я выхожу уже вся красная от злости, пытаюсь выдрать колючки из ткани.

На небольшой опушке ничего не изменилось с тех времен, когда я была здесь в последний раз. За исключением травы, но здесь она хотя бы не щекочет колени. Два толстых бревна по-прежнему лежат напротив друг друга. Со стороны леса они покрылись мхом, но в целом хорошо сохранились. Ря-

дом с ними на землю падает тень от высокого дуба, обещая ту прохладу, о которой я думала всю дорогу. Посреди поляны еще хранится оставленная нами кучка хвороста для костра.

Под ногами хрустят ветки, и ребята дружно оборачиваются на месте. Все в сборе, кроме меня. Смотрю на них и удивляюсь: как же они изменились! Мы иногда общаемся в соцсетях, но смотреть фотографии и смотреть на реальность — две разные вещи. Оказывается, два года — большой срок.

Первой реагирует Жужа. С радостным криком подбегает ко мне и цепляется в мою шею. С Леной мы поддерживаем общение, и даже видимся в городе. Но, конечно, былую дружбу не сохранили. Хотя и раньше не были лучшими подругами, но после окончания школы стали практически чужими. Она никогда не разделяла мою любовь к бунтарству, я — ее чрезмерную любовь к мальчикам.

Смотрю на парней через плечо подруги и улыбаюсь им. Руслан определенно стал выше, а вместо хаотично торчащих на голове волос — подобие модной прически. Такой же худощавый, с острым носом и большими зелеными глазами. Довольно привлекательный, думаю, проблем с девчонками у него нет. Если он стал чуть смелее, чем был, то наверняка легко заводит отношения. Русик — тот человек, который всегда найдет ответ практически на любой вопрос. Советы он тоже не жалеет. А еще у него отличная интуиция — и это не раз выручало нас.

Денис тоже изменился — из мальчишки он превратился в

крепкого, высокого парня с мужскими чертами лица. Я даже не сразу узнала его, и на мгновение перехватило дух. Не изменился только озорной огонек в серых глазах и легкая ухмылка на лице. Мысленно надеюсь, что изменился он только внешне, а внутри остался тот самый хулиган и верный друг. Именно с ним я хотела встретиться больше всего, но не подумала, что он так здорово повзрослеет.

Жужа, наконец, отпускает меня, и, цепляя под руку, тянет на поляну. Переступая через камни и бревно, я оказываюсь там, где не была больше двух лет. Там, где прошла половина детства и юности.

— Ну привет, бунтарка, — говорит Денис и подходит ко мне.

Я улыбаюсь — помнит же. Он хватается за руку, притягивает к себе, обнимает и отрывает от земли. Его огромные ладони сжимают мою спину, и в этой хватке ни капли нежности или жалости. Типичный Денис. Все же не изменился — такой же грубый, наглый и веселый.

— Отпускай, Туча, — смеюсь я, — раздавишь. Сильный стал, паршивец.

— Ну так, — усмехается он. — Качалка три раза в неделю. А ты такая же тощая, ты вообще ешь?

— Тоже три раза в неделю, — фыркаю я.

Денис, наконец, разжимает ладони и отпускает меня. Еще секунду смотрит на меня, видимо, тоже не сразу признает ту девчонку, с которой сбегал из дома и прогуливал уроки. Я

бы не сказала, что сильно изменилась за два года. Разве что перестала ходить вечной лохматой, научилась пользоваться косметикой и чуть лучше стал гардероб.

Подхожу к Руслану и обнимаю его. Он, как всегда, более скромненький, и слегка приобнимает меня. Я цепляюсь ему в спину и утыкаюсь носом в плечо. Скучала по ним — более крутых людей и даже таких же я так и не встретила.

Мы стоим на поляне и даже не знаем, что сказать друг другу. Так хотели встретиться, вспомнить прошлое, а в итоге стоим и просто смотрим. Да уж, два года оказались большой пропастью. Раньше мы всегда знали, о чем поговорить и чем заняться. Не было неловкой тишины или ступора.

— Ребят, давайте не будем молчать только! — стонет Жужа. — Я не знаю, может на дискотеку пойдём?

— Дискотеку? — удивляется Денис. — Их же отменили давно.

— Мама сказала, что решили вернуть на лето. Много молодежи приехало, — поясняет Жужа.

— Так что, пойдём? — улыбается Денис. — А то и правда стоим, как истуканы.

Мы с Русей киваем: почему бы и нет?

И снова я пробираюсь сквозь траву, отталкивая ветки кустов и отцепляя приставучие репейники от одежды.

— Что, Сонь, как учеба? Много лягушек препарировала? — говорит Денис, догоняя меня.

— Нет, только пацанов, которые глупые вопросы задают,

— хмыкаю я.

— Да с тобой опасно, — смеется Денис. — Пока все девчонки носят перцовые баллончики, у тебя в кармане скальпель?

— Вынужденная мера, — говорю я и улыбаюсь. — А ты, будущий машинист, успел уже аудиторию разнести?

— В одиночку скучно, — отвечает Денис и подмигивает.

— Да ты за ум взялся! — восклицаю я. — Еще скажи, что девчонок перестал по углам зажимать, и я упаду тут!

— Падай, — серьезно говорит Денис и смотрит на меня.

— Давай, вон в тот куст репейника, как тогда, помнишь?

— Не напоминай, — я закатываю глаза. — Я чуть лысой не осталась.

— Ты же местный Сусанин. Я знаю путь, дети мои! — передразнивает Денис. — Плевать на болото, репейники и вообще не задавайте дурацких вопросов.

— Да ну тебя, — смеюсь я. — Я тоже могу вспомнить, как ты рюкзаком за забор зацепился и повис на нем.

— Это из-за тебя было, между прочим! Ты решила соседскую собаку погладить, — улыбается Денис и снова передразнивает меня. — Да она на цепи, Туч, ничего не будет! Вот и верь женщинам после этого.

Мы смеемся еще громче, и я понимаю, что зря я рисовала стрелки на глаза. Еще чуть-чуть и я превращусь в панду, а на дискотеке буду не танцевать, а пугать местных.

Выходим из леса и медленно плетемся в сторону клуба —

еще одно место нашей веселой юности. Если Жужина мама права, то вечер точно удастся спасти от неловкости.

Музыка слышится издалека, мы прибавляем шаг. Играет какой-то клубняк, возле старого здания, окрашенного в серую краску, тусит молодежь. Я почти никого не узнаю, только парочку человек со своего и параллельного класса. Большинство — подростки лет пятнадцать на вид, и наверняка я их видела в деревне, но повзрослевшие лица для меня теперь загадка.

Захожу в клуб и тут же застываю на месте так резко, что Денис налетает на меня и чуть не сшибает с ног. Но я не замечаю этого. Я вижу только Ваню. И его взгляд, устремленный в мою сторону.

Глава № 4 Денис

Сонька замирает на пороге, как вкопанная. Что с ней? Слежу за ее взглядом и вижу Ваню. Черт бы его побрал! Непроизвольно сжимаются кулаки и перехватывает горло от злости. И хватило же наглости вернуться. Каникулы летели на глазах — если Соня снова погрязнет в отношения с ним, то ее вряд ли мы увидим до конца лета. Как это было в прошлый раз. До сих пор перед глазами, как мы ждем ее на поле, а она не приходит, потому что с ним. Потому что он хотел гулять вдвоем.

Хватаю ее за холодную руку и тащу на танцпол, заставляя отвернуться от Вани. Она сначала противиться, потом сжимает мою ладонь и позволяет увести себя. Следом плетутся Руслан и Ленка. Останавливаемся возле окна и пытаемся слиться с музыкой, но напряжение чувствуется кожей. Соня не оборачивается и, кажется, отключилась. Тормошу ее, заставляю танцевать. Она нехотя возвращается, смотрит на меня своими темными глазами и благодарно кивает.

Краем глаза слежу, чтобы этот хмырь не подходил к нам. Настолько увлекаюсь, что перестаю танцевать. Отхожу к окну и прислоняюсь спиной к подоконнику, чтобы видеть и друзей, и Ваню. Его взгляд мечется от меня к Соньке.

— Это Ваня или я ослеп? — спрашивает Руся.

— Он самый, — отвечаю я.

Не понимаю, почему так злюсь. Может, потому что он вел себя как последний ублюдок, или потому что уехал как крыса. Никогда он мне не нравился. Приехал не пойми откуда, влился в нашу компанию, втерся к Соньке в доверие и утащил ее от нас. Потом уехал, бросил ее, а она еще полгода в себя приходила. Так и разошлись мы каждый своей дорогой.

Мы дружили с пятого класса. Всегда все делали вместе, тусили так, что вся деревня на ушах стояла. А потом всего один хмырь разрушил это. Два года мы не виделись, и когда решаем вспомнить прошлое, вернуть дружбу, он появляется снова. Ненавижу.

Помню, как он приходил на нашу поляну, садился с ней и заставлял переключить внимание на него. Она разрывалась — я видел, я знаю. А он ревновал ко мне, уговаривал гулять только с ним. Пару раз доходило дело до драки, но Соня останавливала нас. Я говорил ей, что он не нравится мне, но она не слушала, конечно. Влюблена была. И я смирился.

А без нее не было и компании. Потом они расстались, я попытался вывести ее из тоски, но у меня не вышло. Она держалась, не показывала вид, как ей обидно и плохо, но я видел. Я чувствовал ее настроение. И наше последнее лето в деревне мы провели раздельно. Она уехала в город с родителями, я остался в деревне, но ни с Русей, ни с Жужей мы почти не общались.

— Может, уйдем? — говорит Руся, видя мое настроение. Смотрю на девчонок — им весело, они подпрыгивают в

такт музыке, громко подпевают, и качаю головой. Вернулся и вернулся. Сонька не похожа на тех, кто дважды на одни грабли наступают. Почти успокаиваюсь и присоединяюсь к девчонкам. Играет какой-то современный клубняк, и слышать его в такой дыре, как наша, очень странно. И это оказывается достаточно весело, не хуже, чем на дискотеках в городе.

Окидываю взглядом клуб, ищу знакомые лица, но с трудом узнаю бывших одноклассников и друзей. Почти все — бывшая малышня, бегающая по улицам и орущая даже громче моей сестрицы. Чувствую себя старым среди них. Ни одного интересного лица. Останавливаюсь взглядом на Соне и понимаю, как сильно она изменилась. Нет, она никогда не была дурнушкой, но за эти два года еще больше оперилась. Вроде она и не она одновременно.

Не изменились только карие глаза с легкой ухмылкой и вечным желанием подколоть. Но передо мной уже не шестнадцатилетняя девчонка, а взрослая девушка. И почему-то я впервые смотрю на нее другими глазами, но тут же одергиваю себя. Это же Сонька — подруга детства, напарник по несчастьям и задира.

Перевожу взгляд на Жужу. Вот кто не изменился, так это Ленка. Такая же болтливая. Пока мы ждали Соню на поляне, она успела рассказать всю свою жизнь. В том числе, про парней. А их, как я понял, не мало было. Жужа симпатичная, даже милая, но чего-то в ней не хватает. Заметив мой взгляд, она поправляет волосы и смущенно улыбается — неужели

флиртует? Ну нет, со мной такие фокусы проворачивать не стоит. Жужа всегда для меня была как Леська. Сестра, за которой вечно нужно присматривать. Отвернешься и все, ищи ее потом и переживай.

Отворачиваюсь от Жужи, чтобы не смущать ее, и замечаю, что в нашу сторону двигается Ваня. Напрягаюсь, но ничего сделать не могу. Не бить же ему морду здесь, а так хочется! Делаю вид, что мне плевать, а он движется дальше, протискиваясь между танцующими. По телу пробегают холода, а внутри все сворачивается от закипающей ненависти.

Наверное, я не должен так реагировать на него. Прошло много времени, чтобы продолжать хранить обиду. И вообще их отношения — не мое дело. Пытаюсь убедить себя в этом, но получается крайне плохо. Его отъезд я принял на личный счет, а распад нашей компании полностью его вина. И мне так хочется схватить его и выкинуть в окно, что я уже представляю, как делаю это.

Соня не видит Ваню, а, судя по его взгляду, он идет прямо к ней. Не придумав ничего лучше, хватаю ее за руку:

— Пойдем подышим, жарко? — говорю Соне.

Она сначала удивленно смотрит на меня, а потом кивает. Я утаскиваю ее из клуба на улицу, оставив Ваню смотреть на пустое место. На такое же пустое, как он сам. Крепко сжимаю Сонины пальцы, кажется, от злости даже не рассчитываю силы, но не могу позволить ей остаться.

Мы столько не виделись, не общались, и сегодня — наш

день. И я не дам ему испортить это время. Пусть ищет другую жертву — обидеть Соню снова он не посмеет.

Глава № 5 Соня

Денис так крепко сжимает мою руку, что немеют пальцы. Боже, ну и силищи у него! Даже страшно становится, что руку сломает, уже сквозь музыку слышно, как хрустят кости. И тащит меня вперед, расталкивая народ, как пушинки. Мне остается только бежать позади него, потому что успевать за его широким шагом у меня не получается. Прет так, будто мы куда-то опаздываем.

Вытаскивает меня на улицу и наконец отпускает. Я со вздохом трясую рукой и потираю деревянные пальцы. И что за такие отчаянные жесты?

— Ты что, Туч? — спрашиваю я.

Он напряжен до предела. На меня не смотрит, только куда-то в сторону, челюсть сжата, спина слишком прямая. Засовывает руки в карманы своих спортивных брюк и хочет казаться расслабленным, но у него совсем не получается. Он никогда не умел скрывать эмоции, видимо, так и не научился.

— Чего? — отвечает он и не смотрит на меня. — Подышать надо. Духота там. Одному скучно.

Врет. Вижу, что врет. Но не говорю об этом. Все равно не расскажет — такой уж он человек. Но настаивать не буду. В той, прошлой жизни, я бы уже выпытывала у него все секреты, а он бы ворчал, но говорил. Сейчас я на это не имею

права.

— Может, погуляем? — говорит Денис за мою спину, и я оборачиваюсь.

Из клуба выходят Жужа и Руся. Ленка веселая, живая — как и всегда. Руслан задумчивый, серьезный — тоже, как и раньше. Наш голос разума и совесть.

— Зачем? — ноет Лена. — Нормально же все.

— А я согласен, — говорит Руслан и смотрит на Дениса. — Мне кажется, я уже стар для дискотек.

И тут из клуба выходит Ваня. Я машинально вглядываюсь в него и отмечаю, что бабушка права. Он правда стал другим — армия сильно изменила его. Высокий, с выпирающими из-под футболки мышцами, он выглядит лет на двадцать пять. Легкая щетина на лице только прибавляет лет, но странным образом, его это не портит, а наоборот. Одет стильно и дорого — в белую брендовую футболку и спортивные шорты.

С трудом отворачиваюсь и делаю вид, что не замечаю его. Но он все равно подходит и останавливается рядом с нами.

— Привет, — говорит он, и я невольно оборачиваюсь.

Строю удивленное лицо и плевать, что полчаса назад мы уже столкнулись взглядами. Пусть думает, что я его не узнала или забыла. Второе лучше, может, прочувствует хоть часть той обиды, что испытывала я после его отъезда.

— Ваня? — шепчет Жужа и быстро смотрит на меня.

— Как дела? — говорит он.

— На каникулы приехали, — отвечает Ленка. — А ты? Вернуться решил?

— Да, я к бабушке на лето приехал. Только с армии вернулся, в институт поступил. Решил перед учебой здесь потусить, — говорит он небрежно.

— Как мило, — реагирует Денис. — На слезу прошибает. Ваня хмыкает, но не отвечает. И снова смотрит на меня своими зелеными глазами, в которых плещется любопытство и оценка. Как на базаре — решает, стоит ли купить эту корову или еще поискать. Становится неловко и почему-то неприятно. Тело машинально сжимается в комок, и на миг я снова превращаюсь в шестнадцатилетнюю дуру.

— Соф, а ты как? Замуж не вышла? — спрашивает он.

Меня резко бросает в пот, боюсь, что лицо залилось краской. Держусь из последних сил, но хочется провалиться сквозь землю. Лучше бы он не разговаривал со мной, лучше бы его вообще не было! Не могу спокойно выдержать ни его взгляд, ни его голос — низкий, с приятной хрипотцой. Но хуже происходит с головой, которая подкидывает воспоминания о том, как этот голос шептал мне на ухо признания. Как в этих глазах отражалась луна, когда мы сидели вечерами на берегу. И как эти большие ладони согревали мои замерзшие руки.

Силой заставляю свою голову заткнуться и вернуться в реальность. Больше это не красивый, романтичный парень, а предатель. И помнить я должна только о его предательстве.

Это помогает выйти из оцепенения, затушить глупые воспоминания и начать уважать себя.

— Пока нет, — говорю я как можно безразличнее. — Туча вон никак не позовет.

Усмехаюсь, но понимаю, что получается слишком жалко. Видит, что я нервничаю и несу всякую ерунду. Но не отвечает — уже хорошо.

— А разве не ты меня позвать должна? — внезапно подхватывает Денис и подмигивает мне. — Времена нынче другие.

Я расслабляюсь и мысленно благодарю, что поддержал. Перевожу взгляд на его глаза и улыбаюсь, вглядываясь в них чуть дольше, чем прилично. Делаю это совершенно не осознанно, но мне помогает на секунду забыть, что рядом стоит бывший парень. Думаю о том, что все-таки что-то изменилось и в глазах, и во взгляде.

— Ладно, пошел я, — говорит Ваня, напоминая о том, что он тут. — Увидимся еще.

И уходит обратно в клуб, а я снова засматриваюсь на его спину, хотя внутри кипит злость. Даже не на него, а на себя. За этот неуместный отклик, за мысленное возвращение в прошлое. Пытаюсь вернуться назад, но воспоминания вновь и вновь утаскивают меня. Туда, где было хорошо, а потом очень плохо.

— Так что насчет погулять? — говорит Денис, подхватывает меня за плечи, и я вздрагиваю от неожиданности. —

Пошли Сонька, а то мне одному страшно в лес идти. Будет хоть чем от волков отбиваться.

Его рука, еще несколько минут назад до боли сжимавшая мои пальцы, теперь кажется мне не грубой, а надежной и теплой, как плед. Он выдергивает меня из воспоминаний, из прошлого, и снова становится тем якорем, которым был всегда. Как же я скучала по этим шуткам, по неуклюжим объятиям, по нашей, особой связи — ее понимают не все. И я чувствую себя дома. Там, где мечтала оказаться все эти два года.

— А пошли яблоки потырим у дядь Гриши? — говорю я.

Он сначала с недоверием смотрит на меня, проверяет адекватна ли я. Потом улыбается своей хитрой улыбкой. Помнит, как ворчливый сосед гонял нас от своего дерева, а мы приходили снова и снова. Уж слишком вкусные яблоки у него растут. Не отвечает, но сворачивает на нужную улицу. Дойти до дома дяди Гриши мы можем с закрытыми глазами даже ночью — часто там бывали. Прилетало нам несколько раз за это, но мы потом забор соседу покрасили, и он почти перестал злиться. По крайней мере, родителям нашим больше не жаловался.

Огромная яблоня давно стала местным символом. Она закрывает своими ветками и крышу дома, и двор. Запах спелых, сочных яблок слышится издалека, и мы прибавляем шаг. Жужа ворчит за спиной — не нравится ей эта затея, но азарт уже захватил нас. Русик молчит — знает, что пере-

убеждать нас бестолку. Если мы что-то решили сделать, что сделаем это. Даже если давно не дети. Даже если можем получить за это.

Денис хватается за нижнюю ветку и с легкостью запрыгивает на нее. Секунду смотрит вверх, прокладывая себе путь, а потом начинает лезть. Делает это быстро и бесстрашно, словно каждый день вытворяет такое. А мне впервые становится страшно — неужели голос разума проснулся и во мне? Если он сейчас грохнется, наверняка сломает руку или ногу, и я умру от чувства вины. Но Денису плевать, он лезет выше и выше, пока не касается верхней ветки. Она не кажется мне прочной и устойчивой, да и его мышцы явно прибавили ему веса, но он не боится. Уверенно держится на ветке и уже тянется к яблокам.

— Лови, — говорит он мне.

Срывает с ветки крупное желтое яблоко и кидает. Я подставляю руки, ловлю его в воздухе и сразу принимаю. Господи, так вот он какой — запах детства. Никогда в жизни я не ела таких ароматных, сладких яблок. Даже у бабушки они не настолько вкусные, а с магазинными и сравнивать нечего.

— Жужа, тебе, — говорил Денис и кидает яблоко Ленке. Она подставляет ладони. — С червяком.

Жужа громко визжит и отскакивает от дерева. Яблоко с громким треском падает на землю и лопается. Запах становится еще сильнее, а на земле образуется маленькая лужица

сока. Денис хохочет на ветке и уже кидает яблоки Руслану. Тот распахивает их по карманам, без труда перехватывая летящие плоды в воздухе.

— Дурак, — обиженно ворчит Жужа.

И тут во дворе загорается свет. Денис резко поворачивается, нога соскальзывает, я вздрагиваю и ахаю от испуга. Подставляю руки, как будто смогу его поймать или удержать на дереве. Но он удерживается за ветку, быстро спускается вниз и прыгивает на землю.

— Шухер, уходим! — тихо говорит он.

Мы дружно поворачиваемся и бежим назад, в сторону леса. За спиной слышим, как открываются ворота, как ругается дядь Гриша. Узнал он нас или нет, но адреналин уже бурлит в крови, сердце заходится в груди. Но нам не страшно — мы смеемся, как дети, удерживая украденные яблоки в руках. Давно мне не было так весело, и это сразу заставляет забыть о Ване и обо всем, что связывало нас. К черту его, вот оно настоящее счастье — вернуться в детство, потырить запрещенные яблоки и убежать с ними под ругательства соседа.

Останавливаемся мы уже у кромки леса, чтобы перевести дыхание. На деревню опускается вечерняя мгла, и просыпаются ночные птицы. Вечерний ветер обдувает разгоряченное лицо и смахивает слезы, выступившие от смеха.

— Вы как маленькие! — ворчит Жужа, не разделяя нашей радости.

— Разве это плохо? — говорит Денис и протягивает ей

яблоко.

— Нет, но я думала...

— Что? — перебивает ее Денис. — Что мы будем квантовую механику изучать? Давление друг другу мерить?

Я смеюсь, Руслан тоже, и только Жужа скрещивает руки, но фыркает, и легкая улыбка трогает ее лицо.

— Ладно, признаю, это было весело, — говорит она.

— Это было круто, — выдыхает Руся. — Давно я так не веселился.

— В следующий раз ты лезешь, — говорит Денис и откусывает хрустящее яблоко. — Пошлите призраков искать.

И мы двигаемся в лес, снова раздвигая кусты и траву. Но уже без ощущения, что мы чужие друг другу люди. Лед внутри тронулся, ушла неловкость и скованность. Возможно, не так уж мы и повзрослели. Возможно, мы сможем вернуть то, что потеряли два года назад.

Глава № 6 Денис

Домой возвращаюсь почти в полночь. Детское время, но ничего не поделать — девчонки нагулялись. Проводили их с Русей, и разошлись по домам.

Родители еще не спят. Я тихо захожу в дом и сразу ныряю в свою комнату. И первое, что вижу — прыгающую на своей кровати Леську. Коза скачет на подушке и ее ничего не смущает. Ни то, что я на этой подушке сплю лицом, ни то, что под ней жалобно скрипит кровать.

— Ты что не спишь? Тебе на работу завтра, — ворчу я. — Кыш с кровати.

Но мелкая не уходит, а падает на постель и лежит, распластав руки и ноги. Я вздыхаю — и почему с женщинами так сложно? Но я знаю эффективный метод воздействия хотя бы на одну из них. Подхожу к сестре и впиваюсь пальцами в ребра. Щекотки Леська боится до жути, начинает визжать, вырываться, и наконец, сползает с кровати. Подхватываю ее за руку, чтобы она не грохнулась на пол башкой, а ей весело.

На шум приходит матушка и стоит в проеме, наблюдая за нашей возней. По взгляду понимаю — что-то не так. Но я уже увлекся игрой с сестрицей, и отворачиваюсь от родительского недовольства.

— Денис! — говорит матушка тоном главнокомандующего. — В группу пришло сообщение, что кто-то воровал яб-

локи у дядь Гриши.

— И что? — я быстро кидаю взгляд на маму и хватаю сестру на руки.

Леська разваливается на моих коленях, свешивая руки и ноги. Так и просит добавки! Не удерживаюсь и щекочу ее подмышки, она снова визжит и смеется, пытаюсь убрать мои руки. Но куда ей — моя ладонь больше ее головы, а про силу я вообще молчу.

— Четверо детей-переростков, — дополняет мама, и я хмыкаю. — Денис, ну сколько можно?

— Мам, ну пусть он эту свою яблоню на сигнализацию поставит, раз ему жалко. Она вообще растет на улице! — возмущаюсь я и отпускаю сестру.

— Ты же знаешь, какой он жадный! — громко говорит мама.

— Жадность — это порок! — отвечаю я и поднимаю палец вверх. — Бог велел делиться.

Мама устало прислоняется к двери и смотрит на меня.

— С каких пор ты в веру подался? — говорит она.

— Мам, ну он же не знает, что это я, — пытаюсь оправдаться.

— Да? — удивленно восклицает мама. — Цитирую: Тучнов и Леонова снова воровали мои яблоки. И с ними были еще двое.

Я хмыкаю: узнал, значит. Походу, снова придется ему чего-нибудь покрасить, чтобы мозг не выносил.

— У дядь Гриши для его возраста отменное зрение, — говорю я.

— Денис, пора взрослеть уже. В самом деле, тебе почти девятнадцать лет, а ты все как мальчишка. А с Соней так вообще... — вздыхает матушка. — Сколько мы натерпелись, пока вы подростками были. Неужели опять?

Я непроизвольно улыбаюсь, вспоминая, как мы с Сонькой взрослым нервы трепали. Мы были теми сложными подростками, о которых говорят на каждом углу. Странно, что родители нас не отдали на опыты какому-нибудь психологу или не сдали в детдом.

— Я понял, — говорю. — К дядь Грише постараюсь не лезть.

— И к остальным тоже, — добавляет мама.

— И почему взрослые такие скучные! — вырывается у меня со стоном.

Мама с упреком смотрит на меня, но я знаю, что она согласна. Сама-то в юности не многим лучше меня была — бабушка рассказывала. С отцом чудили, а от меня хотят покорности. Удивительно.

— Надеюсь, ты меня понял, — говорит мама. — Краснеть за тебя я не хочу.

Не отвечаю. Не нужно за меня краснеть, нужно принять тот факт, что сын немножко непутевый. И менять меня уже бессмысленно. Ну или пока рано. Родительские нотации на меня действуют плохо, а точнее — совсем не действуют. Ска-

жет Соня — пошли снова яблоки воровать, и я пойду. Потому что это весело. Потому что это я. А душным взрослым я успею еще побыть. Мне осталось три года учебы, потом армия. Вот надену военную форму и стану взрослым. Наверное.

Мама уходит укладывать сестру, я подключаюсь к домашнему интернету и, наконец, ощущаю себя цивилизованным человеком. Телефон сразу пищит от входящих сообщений, и приходится выключить звук. Ничего интересного — написали парочку друзей из города, учитель скинул список литературы и все. Быстро отвечаю на сообщения, обещая как-нибудь вырваться в город. Друзья, конечно, не забывают подколоть меня, назвать фермером и пастухом.

Спать совсем не хочется. Лежу на кровати в темноте и листаю соцсети. Ничего интересного не происходит ни в мире, ни среди знакомых. Попадает на глаза фотография Жужи — они с Соней в лесу. Ленка чисто по-девчачьи делает губы трубочкой и чуть прищуривает глаза. Соня просто улыбается. Она явно не любитель этих селфи и фотографий в принципе. Смотрю на отметку под фото и захожу на страницу Сони. Кажется, я никогда не видел ее снимки в ленте, или просто не обращал внимания.

Она неохотно выставляет фотки, в отличие от Жужи, но что-то есть. В-основном, ее университетская жизнь: снимки с одноклассниками и учителями. Какие-то перепосты со страницы матери — она занимается благотворительностью и

помогает бездомным животным. Смотрю на несчастных собачек и кошек, листаю вниз и натыкаюсь на личный снимок. Фотография сделана на профессиональную камеру, видимо, на фотосессии. Я открываю ее на весь экран и перестаю дышать.

На снимке не та Сонька-бунтарка, с которой я только что лазил по деревьям. Там кто-то другой. Соня сидит на стуле, одетая в брючный костюм. Длинные темные волосы распущены, на лице макияж. Вроде просто, ничего особенного, но... какая же она красивая здесь! И почему я раньше не замечал этого. Ее глаза орехового цвета смотрят в камеру, а кажется, что на меня. Рука небрежно лежит на спинке стула, вторая замерла на колене. Такая женственная, взрослая...

Внутри все сжимается и приходится закрыть фотографию. Соберись, дурак! Что с тобой? Что за мысли? Отшвыриваю телефон к стенке и закрываю глаза. Но даже под закрытыми веками вижу эту дурацкую фотографию, в ушах слышу ее смех, а руки до сих пор ощущают ее тонкие пальцы. Да что же такое! Поднимаюсь с кровати, захожу в душ и включаю прохладную воду. Так-то лучше. Лучше замерзнуть, чем думать о друге не как о друге.

Успокаиваюсь и плетусь на кухню. Накладываю себе еду, молча жую и понимаю, что это простая физиология. Любой парень засмотрится на красивую девушку, будь она прохожей или подругой. Хуже, когда мужчина не замечает женской красоты. А я заметил. Да, Сонька привлекательная, ну и

что с того? Мама моя тоже очень красивая женщина, а Леська так вообще, как принцесса. Да и Жужа ничего — блондинка с голубыми глазами. Мечта просто. Для других. Но это не значит, что мама, Леська или Ленка нравятся мне, как девушки. Они просто красивые, и вокруг много таких же красивых женщин. Это совсем не про чувства, это способность видеть глазами.

Я даже радуюсь этой мысли, хоть и пытается сквозь нее пробиться что-то еще, чему я не так рад. И тут же переключаюсь на другую — раз в доме есть интернет, завтра найду работу. Сидеть на шее у родителей как-то стремно, вернуться к своей подработке. Или к отцу на стройку попрошусь. Заодно и мысли странные не будут лезть в мою дурную голову.

Уже почти счастливый возвращаюсь в комнату и хватаю телефон. Сообщение. Открываю.

«Ты знал, что местные умеют телегой пользоваться? И мы там засветились»

Вот черт! Только же успокоился! Но улыбаюсь и пишу ответ:

«Сегодня узнал. Мать отчитала за яблоки»

Жду ответа, уткнувшись взглядом в экран.

«О, правда? Грустно. Завтра еще что-нибудь натворим?»

Смеюсь и быстро печатаю сообщение:

«Хочешь, чтобы нас местные на костре сожгли? Я за!»

И снова жду ответ, как мальчишка, который впервые общается с девочкой, которая ему нравится.

«Туча, тебя только осиновый кол остановит! Ты же вампир! И вообще хватит в телефоне сидеть, спи давай»

Вот паршивка!

«Ты мне спать мешаешь», — отвечаю я.

Я жду ответ, но он не приходит. Видимо, связь закончилась. Убираю телефон, закрываю глаза и улыбаюсь. А где-то глубоко внутри щемит что-то новое и непрошенное.

Глава № 7 Соня

Просыпаюсь утром от настойчивых солнечных лучей и крикливого петуха. Типичное деревенское утро. Не хватает только мычащей под окном коровы. Смотрю на время — так и есть, коровы просто уже ушли на пастбище.

Умываюсь и выхожу на кухню, где хлопочет бабушка. Пахнет жареными блинчиками, из груди вырывается непрощенный стон удовольствия.

— Ба, моя ты волшебница, — говорю я.

— Садись, милая, — улыбается бабушка и ставит передо мной тарелку со сметаной.

Я хватаю блинчик, макаю в густую сметану и откусываю кусочек. Как же это вкусно! Сколько бы мама ни жарили блинчики, у бабушки они всегда самые вкусные. Пока жую, замечаю на столе в вазе букет красных роз.

— А цветы ты где взяла? — спрашиваю. — У тебя вроде не растут розы?

— Так это принес кто-то, — говорит бабушка, и внутри все замирает. — На пороге утром нашла.

— Да? — удивляюсь я. — У тебя поклонник появился, а ты молчишь?

Бабушка улыбается и садится напротив меня.

— Так тебе это. От кого, знаешь?

— Вряд ли мне, — говорю я с набитым ртом.

— Ванюша, наверное, — с хитрой улыбкой говорит бабушка, и я давлюсь чаем.

Кашляю и понимаю, что это в его стиле. Раньше он постоянно оставлял такие подарочки под дверью. Казалось это очень романтичным и милым. Но это было тогда. А сейчас-то ему зачем мне цветы таскать?

— Ба, ну какой Ванюша, — говорю я с упреком. — Все давно у нас прошло, с чего бы ему мне цветы таскать.

— Значит, кто-то другой, — пожимает плечами бабушка.

Ну да, я же успела за один день соблазнить половину поселка! Особенно школьников, которые тусовались в клубе.

— Нет. Значит, это тебе! Ты признана самой красивой и доброй бабушкой на свете! — улыбаюсь я.

Она машет на меня полотенцем, смущается и поднимается со стула. Я снова смотрю на цветы, и улыбка сползает с моего лица. И что ему нужно? Почему просто не пришел поговорить? И правильно сделал, что не пришел! Если не стал дураком, то должен понимать, что вести с ним беседу у меня нет никакого желания. И вчера вроде бы я это ясно дала понять.

Да уж... Дала понять! Я дала понять, что жутко нервничаю в его присутствии. Глупо пошутила, вовлекла Тучу, наверняка покраснела. Нужно было просто сделать безразличный вид, показать, что мне плевать и на него, и на то, что он сделал. И почему хорошие идеи приходят так поздно!

Столько вопросов крутится в голове, но я не хочу думать

об этом. Теперь он будет ждать благодарности от меня. А я сделаю вид, что ничего не видела и не знаю. Какие такие цветы? Наверное, баб Машина коза зашла к нам и сожрала вместе с шипами. И пусть идет к черту со своими подарками.

Может, он и красивый парень, но красотой сыт не будешь. Я дура была, когда связалась с ним. Верила в его искренность, в его ненастоящую любовь. А он в один день собрался и уехал в город, даже не соизволил придумать правдоподобную отмазку. Посчитал, что там другая жизнь, что там лучше. И сохранять отношения с деревенской девчонкой нет смысла. Вот и пусть катится в свой город.

Благодарю бабушку за завтрак и выхожу на улицу. Деревенское утро — самое особенное. Солнце не греет так сильно, как днем, еще пахнет коровами и травой. Думаю, чем заняться, потом возвращаюсь в дом, натягиваю купальник, хватаю полотенце и иду на речку.

Одной скучно, правда, надо Жужу позвать. Звоню ей, но она не берет трубку. Похоже, спит еще или родители что-нибудь делать заставили. Даже не думая, набираю Дениса. Он отвечает через два гудка:

— Да, причина моих бессонных ночей.

— Ты плавать научился или, как раньше, только топориком? — улыбаюсь. — На речку не хочешь сходить?

Молчит. И что он молчит? Раньше постоянно ходили на пляж, половину дня там проводили.

— Эй, ты там уснул? Или плавки без дырок ищешь? —

смеюсь я в трубку.

— Да. На все вопросы да, — бурчит Денис.

— Бери любые, я не буду смотреть и смеяться. Разве что чуть-чуть.

— Выхожу, — сдается Денис.

Я говорю, что зайду за ним, и убираю телефон. Странный он какой-то, может от родителей влетело за вчерашнее? Не будем мы больше трогать эти несчастные яблоки, подумаешь, взяли пару штук. И то с самого верха, откуда дядь Гриша никогда не достанет. Лучше пусть упадут и разобьются, чем молодежь полакомится.

Денис выходит из калитки и ждет меня, пока я насмотрюсь на дома и надышусь воздухом. Ухмыляется, ну вот, а я думала, у него случилось что-то. Киваю и улыбаюсь ему, он молча двигается рядом со мной.

До речки мы почти мы не разговариваем, и это меня немного напрягает. Можем ли мы вообще общаться, а не только шутить друг над другом? Раньше могли — часами болтали на поляне, возле дома и на берегу. Обо всем: о веселом и грустном, о серьезном и не очень. А сейчас нам даже нечего сказать, потому что общие темы закончились два года назад.

Оказываемся на берегу, и сначала я просто смотрю. Голубая речка в ширину около двадцати метров обычно уже теплая в это время. Тихая, спокойная, на поверхности переливаются солнечные лучи.

Стаскиваю одежду, бросаю на камни и почему-то неловкость сковывает меня. По телу пробегает дрожь, но не от прохладного ветра и речной свежести. Я чувствую, что Денис смотрит на меня, и только сейчас понимаю, что мы больше не подростки, которым, собственно, было плевать, во что мы одеты. Но я же не голая! Я в купальнике и вполне себе приличном. Значит, на городском пляже, где куча народа, я не смущаюсь, а сейчас даже коленки затряслись под взглядом друга. Что за дурость? — ругаю я себя.

Пытаюсь скрыть смущение, иду к реке быстрым шагом. Сразу захожу на глубину, покрываясь мурашками от холода, и начинаю плыть, пряча себя от любопытных глаз. Слышу позади всплеск воды: как обычно, никакого спокойного захода. Плыву медленно, и Денис быстро догоняет меня. Смотрит, но не улыбается.

Плывем дальше, а потом разворачиваемся к берегу. Вода уже не кажется холодной, приятно обволакивает тело своим теплом. Солнце греет лицо и светит в глаза, от чего я жмурюсь. Если у меня снова вспыхнут щеки на берегу, я могу сказать, что это загар.

Денис резко ныряет и уходит под воду. Я теряю его из виду и плыву дальше. Вдруг он проплывает под мной, выныривает и буквально выкидывает меня из воды. Я вскрикиваю, едва успеваю зажать нос пальцами и ухожу на глубину. В ушах гудит, глаза режет от воды. В голове только одна мысль: «Ну погоди у меня!».

Подплываю к нему вплотную, хватаю за ногу ниже колена и резко тяну на себя. Денис не успевает сгруппироваться, теряет равновесие и плюхается в воду с глухим шлепком. Я вынырываю, вытираю лицо и ищу его. Смотрю по сторонам, жду, когда он появится и снова сотворит что-нибудь в своем духе. Готовлюсь опять погрузиться под воду, потому что знаю — он так просто не остановится.

Проходит секунда, две, десять. Он не появляется.

Сердце начинает биться сильнее от холодного беспокойства, поднимающегося внутри. Напрягаю глаза, чтобы разглядеть его в воде, но ничего не вижу. Его нет. Исчез.

— Денис! — кричу я.

Неприятная мысль бьет резко и неприятно. Ударился головой о камень! Нахлебался воды, потерял сознание! Ругаюсь через нервную дрожь — что вообще за дурацкая привычка играть в эти опасные игры на воде! От страха уже не чувствую ни воду, ни солнца.

Набираю воздух в легкие и ныряю снова, ищу его глазами. Проплываю дальше и глубже, пытаюсь увидеть сквозь воду. Сердце колотится в груди от страха, ругаю и себя, и его. Выпускаю часть воздуха и понимаю, что сейчас мне придется подняться наверх, чтобы пополнить запасы кислорода в легких.

Внезапно Денис появляется передо мной, хватается меня и выталкивает с глубины до тех пор, пока ноги не касаются дна. Машинально хватаюсь рукой за его плечо, чтобы не

упасть. Делаю глубокий вдох на воздухе, смотрю на его ухмылку испуганными глазами. Внутри еще кипит злость вперемишку со страхом.

— Ты вообще сдурел? — кричу я. — Я думала, ты утонул!

От злости даже не замечаю, что он все еще держит меня за талию, а я крепко сжимаю его плечо. Только сейчас пальцы начинают ощущать твердые, напряженные мышцы. Глаза опускаются вниз — бюст на вдохе слегка касается его груди. Снова поднимаю взгляд на него, на мокрое лицо уже без улыбки. На застывшие, не моргающие глаза. Понимаю неловкость момента, сглатываю, убираю руку и отступаю к берегу. Его теплая ладонь соскальзывает с талии, и он медленно идет следом за мной.

Хватаю полотенце, оборачиваюсь им и смотрю, как Денис выходит из воды. Издевательски долго, словно говорит: смотри, как я хорош! А он и правда хорош, ничего не скажешь, и на его красивые рельефы трудно не смотреть. Взгляд спокойный, слегка растерянный, устремленный куда-то в сторону.

— Больше так не делай, — говорю я.

— Я просто плавал! — отпирается он. — Ты забыла, я шесть лет в бассейне занимался?

— Помню, — ворчу я и сажусь на камни.

И только сейчас тревога начинает отпускать меня. Испугалась, как девчонка, аж самой стыдно стало. Потом вспоминаю, как он прижимал меня к себе, а я нагло держалась за его

руку, и стыд становится почти осязаемым. Сильнее кутаюсь в полотенце, надеясь, что оно спасет меня от неловкости.

Глава № 8 Денис

Попытался поиграть с Соней, как раньше, чтобы напомнить себе, что мы друзья, и сделал только хуже. Хорошо, что она остановила меня от неизбежной ошибки. Я чуть не перешел черту, даже не понимая, как. Просто отключился от реальности, когда она оказалась рядом. Вот я вытаскиваю ее из воды, она впивается пальцами в мое плечо, и все. Дальше какой-то провал, лишь щекочущий кожу купальник не давал отключиться полностью. Кажется, я задержал руку на ее талии дольше положенного. Кажется, я вообще не должен был ее трогать.

Она кутается в большое полотенце и смотрит на реку. Мокрые волосы небрежно лежат на спине и плечах, стройные загорелые ноги покрыты мурашками. Останавливаю себя от того, чтобы разглядывать ее. С трудом увожу взгляд на остров за речкой и пытаюсь сконцентрироваться на нем. И так, зеленая полоска и торчащие верхушки деревьев. Говорят, там есть песчаный пляж, часто отдыхают местные и городские. Мы ни разу там не были, а почему? А как туда плыть, катера у нас нет, лодки тоже. Вплавь будет долго и сложно, а если...

— Мне сегодня ночью цветы кто-то принес на порог, — говорит Соня, выдергивает меня из дурацких мыслей о ненужном мне острове, и я снова поворачиваюсь к ней.

— Цветы? — переспрашиваю. Я уже начинаю сомневаться в своей адекватности, поэтому лучше уточню.

— Да. Кажется, у меня появился тайный поклонник, — говорит она безразлично и смотрит на меня.

Думает — это я? Нет, это вряд ли. Во мне столько же романтичности, сколько летом снега в Сахаре. И она это знает.

— Ваня? — спрашиваю, уже зная ответ.

Она пожимает плечами.

— А ты что? — говорю так, будто меня это не волнует.

— Не понимаю, что он хочет от меня, — тихо отвечает она.

Хмыкаю:

— Тебе рассказать, что обычно мужчина хочет от женщины?

Она закатывает глаза и громко цокает языком. Я держусь. Пытаюсь держаться. Получается плохо, знаю. Но она вроде не замечает моих сжатых кулаков. В конце концов, это не мое дело. Как друг, я должен поддержать в любом ее выборе. И я лезть в это не буду — захочет быть с этим дураком, я не скажу ни слова. Не буду останавливать ее, отговаривать...

— Держись от него подальше! — вырывается у меня слишком резко и злобно. И я понимаю, что язык начинает жить своей жизнью.

— Что? — она непонимающе смотрит на меня.

Черт, эти эмоции будь они неладны! Когда-нибудь ты научишься держать себя в руках, может быть. Но, видимо, не

сейчас.

— Он однажды уже показал себя... — придумываю я на ходу. — Люди обычно не меняются.

— Он тебе никогда не нравился, — тихо говорит Соня. — Почему?

Пожимаю плечами, будто не знаю ответ на этот вопрос. Мне просто ей нечего ответить на него.

— Денис! — настаивает она.

— Слушай, Сонь, он чужой, понимаешь? — говорю я и кидаю камень в воду. — А чужих мы здесь не любим. Тем более, таких.

— Каких? — уточняет она.

— Которые друзей у нас забирают, — тихо отвечаю я.

— Дело только в этом?

Что она хочет услышать? Что вот сейчас меня ревность грызет? Я себе не могу в этом признаться, а ей тем более. Но она же будет пытаться меня, доставать, пока я что-нибудь не скажу. Настырности в ней не поубавилось, я так понимаю. И мне нужно быстро придумать. Прямо сейчас. Пока она не поняла, что я придумываю.

— Не знаю я. Просто как человек не нравится и все, — говорю я. — Чутье у меня. Взгляд у него... звериный. Не верю я ему.

Соня делает вид, что поверила. Может, и правда верит. Вроде говорю искренне — он и правда мне не нравился. Взгляд у него тяжелый, как у дикого зверя. Вроде улыбается,

а в глазах плещется ярость и гнев. Кто знает — что у него на самом деле внутри. И антисимпатия к нему появилась еще тогда, два года назад, когда о ревности я даже не думал.

— В любом случае, это уже не имеет значения. Это в прошлом, — говорит Соня, поднимается с камня, и мой взгляд непроизвольно поднимается вместе с ней.

Она скидывает полотенце и начинает одеваться. Как же на это не смотреть! Хочется глаза себе выколоть, раз отвернуться нет сил. Но я даже не могу найти какую-нибудь острую палку, чтобы воткнуть себе в глаз, потому что плююсь только на то, как она надевает майку. Встаю на ноги, хватаю футболку и быстро натягиваю на себя, потом следом шорты, пытаюсь думать о том, что я делаю. Как дурак проговариваю про себя каждое действие. Главное — не начать это делать вслух. Вроде помогает.

Поворачиваюсь, когда она уже одета. Еле сдерживаю вздох облегчения. Только мокрый купальник здорово проглядывает сквозь футболку, заставляя фантазию работать еще быстрее. Да что же такое!

Отворачиваюсь и шагаю от реки, от стыда, от неловкости. Где там мои методы убеждения? Физиология, это обычная физиология. Она — женщина, я — мужчина, это нормально. Будь на ее месте другая девчонка, я бы тоже наверняка смотрел. Да точно бы смотрел!

В своих мыслях доходим до моего дома. Предлагаю проводить ее, отказывается. И слава богу! Ее мокрая футболка

точно сведет меня с ума, если я снова посмотрю на нее. Не глядя на Соню, открываю ворота и ныряю во двор. И только сейчас могу, наконец, перевести дыхание.

Возвращаюсь в дом, снова лезу под холодный душ. Да что происходит с тобой? — спрашиваю я у себя. Внутри все молчит или хочет сказать то, что я не готов услышать.

У меня были девушки, и чувства были. Как мне казалось. Но то, что происходит во мне сейчас, не поддается никакому объяснению. Внутри все скрутилось в плотный узел, и даже дышать тяжело. Не скажу, что это неприятно. Скорее, непривычно. Необъяснимо.

У тебя просто давно не было девушки, — говорит мне внутренний голос. Я киваю. В городе все по-другому: и насмотреться можно, и потрогать даже. И девушек много — тех, с кем не надо сохранить дружбу. Там намного проще, да и вообще у меня никогда не было с этим сложностей.

А здесь, как сладкий запретный плод. Знаю, что нельзя, и от этого тянет еще сильнее. Но она же не девушка в понятии отношений, она друг! Подруга детства, напарница, оторва и язва. Мы дружим с того времени, когда она еще в куклы играла. И не виделись всего два года — что за это время изменилось?

Да много, что изменилось! Она изменилась. Я изменился. Глаза мне поменяли что ли вместе с мозгами, пока я спал в пыльной общаге? Головой ударился? Похоже, все и сразу.

Прихожу в комнату и беру телефон — думаю, написать

какой-нибудь девчонке, пообщаться. Отвлечься. Смотрю переписки, ищу, думаю. Никого подходящего. Была одна де-вушка, с которой встречался пару месяцев, пытаюсь найти ее. Нахожу, открываю фотографию. Когда-то казалась красивой, нравилась мне. Сейчас смотрю на нее — ничего особенного. И глупая она, как пробка. Хихикала так странно на любую глупость.

Скучно со всеми ними. И красота в них не настоящая, и умом они не отличаются. Ну вот, я уже начинаю сравнивать — а это последняя стадия сумасшествия.

Снова захожу в контакты и звоню отцу, прошу взять меня на работу. Соглашается. Отлично, теперь буду занят. Нет ничего лучше, чем физический труд, отвлекающий от всяких идиотских мыслей. Которых вообще не должно быть в моей голове.

Глава № 9 Соня

Жужа, наконец, перезвонила. Как всегда, не вовремя — лучше бы я пошла с ней на речку или вообще одна. Договорились с ней погулять через полчаса. Иду домой принять душ и переодеться. Внутри какая-то тоска, лежащая тяжелым грузом.

Захожу в дом и сразу смотрю на цветы — издевательски красное пятно на скромной бабушкиной кухне. Смотрятся они так же нелепо, как слон в балете. Хочется выбросить их, но вовремя останавливаю себя: цветы не виноваты, что их сорвали и притащили тому, кому они не нужны. Против воли подхожу ближе, трогаю бархатные лепестки. Лицо уже несется к цветку, чтобы почувствовать этот слегка терпкий аромат. Вдыхаю полной грудью и зажмуриваю глаза — обожаю запах роз, и ничего не могу поделать с этим.

С трудом отрываюсь от букета и пересчитываю розы: пятнадцать. Интересно, связано ли это с тем, что мы познакомились, когда мне было пятнадцать? Тут же гоню от себя эту мысль — какая разница? Мне безразлично.

Бабушка отдыхает в комнате, я бесшумно делаю свои дела и выбегаю на улицу. Жужа уже ждет меня у калитки, переминаясь с ноги на ногу. Обнимаю ее, и подталкиваю вперед.

— Я Ваню сегодня видела, — говорит Ленка. — На машине уезжал куда-то.

— Молодец, — машинально отвечаю я.

— Что думаешь по поводу него? — спрашивает подруга и смотрит на меня.

— Я о нем вообще не думаю, — вру я. — Но он мне ночью к порогу цветы притащил.

— Ого, — удивляется Жужа. — Не хочешь попробовать с ним еще раз?

— Нет, — слишком быстро отвечаю я.

— Это из-за Дениса? — с сомнением спрашивает она.

Я с удивлением смотрю на нее:

— А он тут при чем?

— Подруга, ну глупо отрицать очевидное. Ладно раньше, детьми были. — говорит она.

— Я все равно не понимаю, о чем ты. Мы с Денисом друзья, и никто из нас никогда не перейдет эту черту.

Говорю я и сразу вспоминаю наш поход на речку. Его руку, лежащую на своей пояснице. Это был совершенно не дружеский жест — и отрицать глупо. Но списываю на обычный порыв — загнался просто, может, бывшую девушку вспомнил. Не думаю, что Денис сделал это осознано и с какой-то целью. Слишком уж очевидна наша дружба, чтобы иметь двусмысленное значение.

— Значит, я могу флиртовать с ним? — загадочно говорит Ленка.

— С кем? — спрашиваю я и осекаюсь.

— С Денисом, — говорит она и смотрит на меня.

— Да пожалуйста, — отвечаю я как можно спокойнее. — Только есть ли смысл? Он нас воспринимает как сестер. Вре-
мя зря потратишь.

— Посмотрим, — улыбается подруга. — Думаю, за два
года много что изменилось. Хотя бы то, что мы больше не
прыщавые школьники.

Я молча киваю. Пусть пробует, мне-то что? Сама же по-
том переживать будет, когда он ее отошлет. А если нет? Даже
думать не хочу об этом. Меня это не касается.

— Почему не хочешь с Русиком попробовать? — выры-
вается у меня.

Ленка смотрит на меня с таким удивлением, будто я ей
предложила с собакой встречаться. Руслан — очень хоро-
ший, душевный парень. Как по мне, так идеальная кандида-
тура на долгие отношения.

— Ну нет, — протягивает Жужа. — Вот Русик точно, как
брат.

Я киваю, соглашаясь. Пожалуй, самый адекватный из нас.

— Ты pomoжeшь мне? — внезапно говорит Ленка. —
Встретиться с Денисом вдвоем?

— Я? Как я помогу?

— Не знаю, можно договориться встретиться всем, а вы с
Русиком уйдете незаметно, — предлагает Жужа. И мне это
не нравится.

— Лен, я...

— Пожалуйста! — подруга делает щенячьи глаза.

— Ладно, — выдыхаю я, и в горле встает ком, — попробую.

Жужа пищит от радости, и я с трудом понимаю на что подписываюсь. Глупо это все. Но отказать ей — значит, признать, что мне не безразлично.

Мы встречаемся снова уже вечером. Собираемся на нашей поляне, но в полной готовности. Парни разжигают костер, рядом с бревном лежит гитара. Стоят пакеты с едой и напитками. На минуту я вернулась туда, назад, в юность, где мы проводили так почти каждый вечер.

Треск костра, дым от горящих веток и тишина леса — именно то, чего так не хватает в городской жизни. Сначала мы суетимся, делаем импровизированный стол, а потом рассаживаемся на бревна. Хорошо так, что мурашки бегут. Только неловко. Я не смотрю на Дениса, он не смотрит на меня. Даже шутка никакая в голову не лезет, чтобы разрядить обстановку.

— Я завтра к отцу на стройку работать выхожу, — говорит Денис.

— Каску не забывай надевать, — говорю я и пытаюсь продолжить, пошутить, но ничего на ум не приходит. В голове сплошная каша, и раньше то, что было для меня естественным, как дыхание, кажется чужим.

И он молчит. Хоть сказал бы что-нибудь язвительное в своем духе, но молчит, зараза.

— Зачем ему каска, — подхватывает Руслан. — У него голова чугунная.

И стучит ему по голове пальцами. Я мысленно выдыхаю и затыкаю рот. Лучше буду молчать.

Денис берет гитару, и звучат первые аккорды. Сначала неуверенно — сразу видно, что давно не брал в руки инструмент. Потом память берет свое, и по полянке летит музыка. Ложится на душу, отзывается в сердце. С трудом узнаю мелодию, но это не важно. Важно только то, что глубоко внутри что-то екает в ответ на музыку. Глаза смотрят на пальцы, зажимающие струны, и мозг почти отключается. Нет ни одной мысли.

Жужа сидит рядом и наверняка ждет, когда мы уйдем. Мне и самой этого хочется — даже не знаю, почему. Но не могу. Денис играет, старается для нас, и показывать ему свою спину я не хочу.

— Давай я скажу Русику, чтобы не провожал нас, — тихо говорю я Ленке. — Сначала меня проводите, потом у вас будет время вдвоем побыть.

— Да, — кивает подруга. — я сама ему скажу.

Так даже лучше. Жужа отсаживается к Руслану, что-то шепчет ему на ухо, и он резко поднимает взгляд на меня. Удивленный, непонимающий. Яжимаю плечами. Он снова смотрит на Ленку и, видимо, соглашается. Что же, все, что могла, я сделала. Остальное меня не касается. Не должно касаться.

Глава № 10 Денис

Давно не играл на гитаре, а пальцы помнят. Сначала получается хреново, потом разыгрываюсь. Кидаю взгляд на Соню: задумчивая она какая-то, вся в своих мыслях. Когда сказал про работу, ожидал, что она отговаривать начнет, но нет.

Походу, я все испортил на речке. Вот поэтому между нами ничего не может быть — мы разрушим все. Лучше сохранить нашу яркую дружбу, чем потерять ее из-за попыток что-то изменить.

Два года у меня была другая жизнь, другие друзья, но я никогда не забывал о ней. Скучал, хотел встретиться, но мысленно давно попрощался с нашей дружбой. С пацанами дружить проще, конечно, потому что мы на одной волне, у нас общие интересы и желания. Но Сонька как родственная душа. Никто никогда не понимал меня лучше, чем она. И ни с кем не было так весело.

Я приехал сюда на два месяца, чтобы погрузиться в наш мир, а не убить его окончательно. Если сейчас я испорчу то, что у нас и так почти разрушено, наверняка потеряю Соню окончательно. Она не та девчонка, с которой можно встречаться, а потом сказать: «А давай останемся друзьями». Не останемся.

Заканчиваю играть и ставлю гитару рядом с собой. Встречаюсь с Соней взглядом, она слегка улыбается. Как-то бояз-

ливо, словно видит меня в первый раз. Судорожно думаю, как исправить ситуацию, как вернуть все в привычное русло. Но на ум ничего не приходит. Любая шутка сейчас прозвучит фальшиво, и я молчу. Она тоже молчит.

Ругаюсь про себя. Ну скажи ты что-нибудь! Хоть дураком меня назови, но покажи, что я не сломал то, что было! Но она не говорит. И я не понимаю — почему. Может, я напугал ее и мне стоит извиниться? Но тогда я засмущаю ее еще больше или снова ляпну что-нибудь не то.

Хоть бы леший что ли появился, и мы бы с ней вместе посмеялись над ним и над тем, как Ленка кричит. Но из леса никто не выходит. И сам лес предательски молчит.

— Жужа, я пока в городе был, новую страшилку для тебя придумал, — говорю я. — Про темный-темный лес. Хочешь расскажу?

— Нет, — стонет Ленка, — пожалуйста, не надо.

— Помнишь, как ты от страха на дерево залезла? — смеюсь я. — Еле сняли тебя с него потом.

И тут, как по заказу, ломается ветка. Громко, в тишине звук по ушам бьет. Ленка взвизгивает, подскакивает, как ошпаренная и почти падает мне на колени. К такой близости я не готов. Отодвигаюсь, но обнимаю ее за плечи, а то трясется, как желе в холодильнике. Сам смотрю в сторону звука.

Снова ломаются ветки, но уже настойчивей. Шаги. К нам кто-то приближается. Соня поднимается с бревна, смотрит в сторону звука и резко замирает.

— Привет, народ, — говорит Ваня, и я закатываю глаза.
— Знал, что найду вас здесь.

Подходит ближе, кидает взгляд на меня, на мою руку, еще лежащую у Жужи на плече, потом теряет интерес. Он явно не к нам.

— Соф, я искал тебя. Поговорим? — говорит он, и я жду ее реакцию.

— О чем? — спрашивает она и отступает от него на шаг.

— Наедине, если можно, — настаивает он. И мне это жутко не нравится.

— Нет, — говорит Соня. — Или здесь, или никак.

— Соф, пять минут, — снова давит Ваня.

Я не выдерживаю, поднимаюсь с бревна и встаю между ними. Он смотрит на меня звериным взглядом, но меня это не испугает.

— Она сказала нет, — говорю я. — Ты оглох?

К нам подходит Руслан — чует, что жареным запахло. Ваня не смотрит на него, только на меня. Но в гляделки я очень хорошо играю, и чаще всего выигрываю.

— В чем дело? — спрашивает Руся.

— Я хочу поговорить с Софией, это запрещено? — рычит Ваня. — Пять минут.

— Запрещено, если она не хочет, — говорю я и делаю шаг вперед. Кулаки уже сжимаются в полной готовности.

— Туч, успокойся, — говорит Руслан и кладет руку мне на плечо.

Соня появляется рядом с нами и пытается остановить. Знает, что будет драка. Но лучше бы не лезла. Я приближаюсь к Ване еще на полшага, и нас разделяют какие-то жалкие сантиметры. Смотрим друг на друга, как две дикие собаки, воздух между нами напряжен и пахнет ненавистью. Знаю, что у нас с ним взаимные чувства, что он тоже не испытывает ко мне симпатию. Жду, что он ударит первым, и тогда зачинщиком драки буду не я.

— Хватит, — резко говорит Соня и кладет руку мне на грудь, пытаясь остановить. — Пойдем, Вань, на край поляны отойдем. Пять минут!

Этот хмырь улыбается — добился своего все-таки. Хочу ее остановить, но не могу. Что я ей скажу? Это ее право. А мне остается только наблюдать, как они удаляются в тень деревьев, как останавливаются друг напротив друга и смотрят в глаза.

Глава № 11 Соня

Я не хочу с ним разговаривать, — убеждаю я себя. Не хочу и точка! Но тут появляется Денис и все портит своей заботой. Нет, это конечно, приятно, и трогательно, но не в данной ситуации. Мне приходится соглашаться на разговор, лишь бы остановить их. Лишь бы не было драки.

У Вани и правда взгляд какой-то звериный что ли, когда он смотрит на Дениса. Раньше я этого не замечала, или на меня он так не смотрел? Может, после армии таким стал — кто знает, как шла его служба. Но это немного пугает меня.

Отхожу с Ваней в самый конец поляны, где свет от костра уже не достает. Смотрю на Дениса — он еще явно не успокоился. Рядом с ним стоит Русик, надеюсь, что он его задержит, если вдруг что-то пойдет не так. Жужа смотрит на нас, открыв рот.

— Я тебя слушаю, — говорю я и смотрю на Ваню.

Взгляд его смягчается, появляется даже нежность. Или мне кажется? Я уже не уверена.

— Соф, я уехал тогда... мне пришлось. Родители заставили, зомбировали меня, — начал он. — О другой жизни говорили, с тобой заставили расстаться.

— И? — говорю я.

Он удивленно смотрит на меня. А я правда не понимаю — к чему этот душещипательный рассказ.

— Я извиниться хотел, — говорит он.

— Извиняйся, — киваю я.

Он снова удивлен. Ожидал, что я буду прыгать от радости? Не буду, потому что мне плевать.

— Прости меня, Соф. Я дурак. Я поздно понял, что натворил, — говорит он и опускает взгляд.

Внутри что-то откликается на его слова. Жалость. Желание верить в его искренность. Но я не должна испытывать ни одно, ни другое. Он — предатель и точка. Никаких оправданий быть не может. Что значит заставили? Я прекрасно помню момент расставания — никакой грусти он не испытывал. Был абсолютно спокоен и безразличен, когда сообщал о своем отъезде. Но хуже даже не это. Хуже то, что он и не собирался сообщать мне об этом, хотел уехать втихую, как крыса.

Я узнала о его отъезде совершенно случайно. Мы гуляли с Жужей и вышли на его улицу. Увидели машину возле дома и подошли. Ваня закидывал в салон сумки, а когда заметил меня, вздохнул с раздражением. Мне бы в тот момент просто развернуться и уйти, показать свое безразличие, но я подошла. Спросила. Он посмотрел на меня своим непробиваемым взглядом и сообщил, что уезжает из деревни навсегда. Я лишь смогла кивнуть, не вымолвив ни слова. Так и ушла молча, понимая, что это конец.

Он никогда не говорил, что собирается уезжать или что ему не нравится здесь. Казалось, он любит природу вместе со мной. Я думала, ему нравится здесь и нравится со

мной. Дурой была, что скажешь.

— Хорошо, — говорю я. — Будем считать, что ты извинился, а я тебя простила. На этом все?

— Давай погуляем как-нибудь? Вдвоем?

А это уже слишком! И хватает же ему наглости такое предлагать!

— Это лишнее, — твердо говорю я.

Он мнетя, еще что-то хочет сказать, но не решается.

— Вань, тебе лучше уйти, — подсказываю я. — И никогда сюда не приходи.

— Ладно, — не спорит он. — Но ты можешь хоть номер телефона дать? Просто общаться.

— Нет, — говорю я. — Это тоже лишнее.

— Мы еще встретимся, — уверенно отвечает он. — И ты согласишься на меня другими глазами.

Я молчу. Просто ушел бы без своих речей, чтобы жалость внутри меня не давила так сильно. За что я его жалею? Грустные глаза сделал? О прошлом напомнил?

Ваня делает шаг назад, и уходит в лес. Я расслабляю напряженные плечи — все не так страшно, как казалось. Наблюдаю, как его фигура исчезает за деревьями, слушаю удаляющиеся шаги.

Делаю глубокий вдох, пытаюсь прогнать прошлое, которое вторглось в мое настоящее. Иду обратно на поляну, где все еще стоит злой Денис. Кажется, он ни на сантиметр не сдвинулся с места. Он явно расстроен тем, что я не дала ему

поджаться. Подхожу к нему, кладу руку на плечо и улыбаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.